

RU

Мир в потоке усложнения: от парадигмы конфликта к парадигме синергии

Ополев П. В.

Аннотация. Представленная работа направлена на осмысление актуальных стратегий социокультурного бытия в условиях интенсификации процессов усложнения. Выделяются две стратегии освоения социокультурной сложности: «парадигма конфликта» и «парадигма синергии». Новизна предлагаемого подхода состоит в предметном ракурсе: синергия рассматривается не только через призму антропологии, но и в ракурсе процессов социокультурного усложнения. Полученные результаты показали, что современность требует обнаружения не только «борьбы», противоречий и конфликтов, но и функциональных взаимозависимостей и сотрудничества.

EN

World in the Flow of Increasing Complexity: From Conflict Paradigm to Synergy Paradigm

Opolev P. V.

Abstract. The work is aimed at developing understanding of current strategies of socio-cultural life amid increasing processes of complexity. There are two strategies for mastering socio-cultural complexity: “conflict paradigm” and “synergy paradigm”. Novelty of the proposed approach lies in the subject perspective: synergy is considered not only through the lens of anthropology but also from the perspective of the processes of increasing socio-cultural complexity. The research findings have shown that the modernity requires detection of not only “struggle”, contradictions and conflicts but also functional interdependencies and cooperation.

Введение

Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления противоречивых процессов социокультурного усложнения, отсутствием методологической программы по их освоению. Современность демонстрирует на первый взгляд взаимоисключающие признаки как «цветущей сложности», так и «смесительного упрощения», возрастающих конфликтов и возможностей для кооперации. Следуя логике развития современной цивилизации, ее состояние можно охарактеризовать как «смесительное усложнение», своего рода «турбулентность», в которой конфликт оказывается условием возможности для синергии и наоборот. Складывается впечатление, что современная цивилизация только и может существовать в этом «турбулентном состоянии», говоря языком синергетики: в «режиме с обострением». Получается, что все эти социальные катастрофы, катаклизмы, лиминальные состояния и опасности балансирования «на краю хаоса» оказываются неотъемлемым условием для существования человечества. Синергия и конфликт рассматриваются как взаимодополнительные стратегии освоения социокультурного многообразия. Использование термина «парадигма» не является строгим и призвано подчеркнуть, что речь идет о фундаментальных принципах, которые определяют исходные рациональные установки понимания современности.

Логика исследования предполагает решения следующих задач: необходимо обозначить противоречия процесса усложнения современного мира, обосновать необходимость поиска стратегий снятия социокультурной сложности, зафиксировать общее и особенное понятий «синергия», «синергизм» и «синергетика», наметить особенности «парадигмы конфликта» и «парадигмы синергии». Методическим основанием исследования является диалектический метод в его инвариантной форме, позволяющий раскрыть двойственность процессов социокультурного усложнения и противоречивость «парадигмы конфликта» и «парадигмы синергии». В работе также используется системный подход, который дает возможность наметить проблематику культурного усложнения в единстве с ее антропологическими характеристиками. Значимость экспликации

особенностей «парадигмы конфликта» и «парадигмы синергии» определяется необходимостью поиска не только тактики купирования конфликтов в условиях социокультурного усложнения, но и поиска путей устойчивого развития, возможностей для сотрудничества.

Мир и человек в потоке усложнения

Усложнение приобретает форму потока, лавины, в которой происходит постоянное смешение, перемещение, перераспределение, диффузия социальных и культурных практик. На ум приходит библейский образ Вавилонской башни и последующего «вавилонского смешения». Действительно, в современном мире такие понятия, как «истина», «оригинал», «правда», теряют свою однозначную границу с такими понятиями, как «ложь», «фальсификация», «подделка». Стремление человека к благу принимает гипертрофированные формы. Гуманистические ценности, доведенные до абсолюта, принимают форму антиценностей (например, в форме трансгуманизма), а религиозный фундаментализм оборачивается формами экстремистской деятельности (например, исламский фундаментализм). Инверсию ценностных полюсов, разрушение представлений об «арочной морали» трудно примирить с идеями линейного и поступательного движения к гипотетическому всеобщему благу. Усложнение принимает «смесительный» характер и порождает такие гибридные культурные феномены, как трансгуманизм, транссексуальность, трансэтика и т.д.

Жизненный мир человека, стиль его мышления претерпевают изменения под давлением информационной сложности, окружающих человека вещей и возросшей скорости социокультурных трансформаций. Неопределенности, риски, катастрофы и конфликты становятся неотъемлемой частью нашей повседневности, оказываются вписанными в само представление о сложности мира.

Многообразие культуры коррелирует с разнообразием проявлений самого человека. Усложнение культуры открывает множество возможностей как для реализации гуманистической палитры возможностей, так и сознательного отказа от их осуществления. Не случайно проблематика «бегства от свободы» (Э. Фромм) актуализируется в XX веке и усиливается по мере становления культуры потребления. По мере усложнения культуры усиливается и её конфликтный потенциал, на первый план выходит необходимость поиска сотрудничества и компромисса со средой, другими людьми и своими внутренними состояниями. По мысли А. И. Неклесса, «сложный мир содержит спектр сценариев прорыва и созидания, дестабилизации и разрушения, попытки же упрощения чреваты искусственной картиной мира и тотальным контролем» [7, с. 106].

Культура, вопреки пессимистическим оценкам начала XX века, по-прежнему полна «жизненных сил». Избыток, изобилие, многообразие – все это свидетельствует о расцвете, раскрытии в культуре потенциальных возможностей. Однако пролиферация сложности приводит к разрушению границ между традиционными социокультурными формами, что способствует потере устойчивости и утрате понимания инвариантных принципов социокультурного бытия. Усложнение современной цивилизации приобретает патологический характер. Динамику развития современной цивилизации уже вряд ли можно определить термином «прогресс», поскольку деформируются представления о его конечных целях. Можно сказать, что человечество, само того не понимая, утратило представления о конечных целях своего развития, оказалось увлечено инерцией прогресса, который превратился в неконтролируемое движение, принимающее форму турбулентности. В этом процессе просматривается скрытая логика и определенный порядок, который, говоря языком синергетики, «балансирует на краю хаоса». Ж. Бодрийяр такого рода порядок называет «метастатическим», выявляя его патологический характер [3, с. 13].

Суждение «мир в потоке усложнения» не является метафорой. Современность становится «ускользающей». Направленность усложнения определяется не только объективными тенденциями (например, логикой развития сложных самоорганизующихся систем), но и нашей субъективной способностью к его оценке, прогнозированию и концептуализации. Упреждающие действия человека имеют телеологический характер, что позволяет посредством «вглядывания» в будущее формировать настоящее.

В поисках стратегии освоения социокультурной сложности

Поиск адекватных стратегий познания культуры, соразмерных современному миру, способствовал развитию системных интерпретаций культуры. В области осмысления социокультурных трансформаций наметился конфликт между «цивилизационным» и «мир-системным» подходами. По мере острых дискуссий выяснилось, что в оценке сложных обществ и социокультурных трансформаций нельзя ограничиться изучением крупнейших исторических систем. Социокультурное усложнение задано не только формированием мир-экономических систем (как полагал И. Валлерстайн), но и межкультурными связями, обменом информацией. Ярким примером такого рода процессов является полисная система Древней Греции. Уровень сложности некоторых полисов уступал сложности такой автономной политической единицы, как «вождество». Однако полисная система в целом включала в себя более глубокие и многочисленные связи (политические, экономические и культурные), которые невозможно зафиксировать на уровне отдельного полиса. Этим объясняется высокая способность к самоорганизации в отдельные исторические периоды (например, в рамках греко-персидских войн).

Фундаментальные установки науки оказывают существенное воздействие на объективную оценку происходящих изменений. Аналитический подход, заложенный Р. Декартом, расчленяет действительность на множество элементов, проекций и точек зрения на один и тот же вопрос. Однако стремление снять сложность подобным образом оборачивается еще большей сложностью, тем самым обнаруживая предел аналитического подхода. Как замечено в работе «Искусство системного мышления», «попытка преодолеть барьер сложности за счет чрезмерного упрощения, огрубления используемых моделей и представлений лишает их глубины и прогностической силы, обесценивает получаемые с их помощью результаты» [8, с. 13]. Сложность действительности, не говоря уже о её процессуальном разворачивании в культуре, оказывается невыводимой из простой суммы взаимодействий рядоположенных элементов. Кроме того, культура долгое время виделась сотканной из противоречий, которые не могут быть редуцированы и сняты. Как справедливо полагает В. А. Шевлоков, «концепция “синергии” очень важна не только в изучении социокультурных систем на объективных основаниях, не только перспективами в новом осмыслении надкультурной системы ценностей, но и для исследования динамики развития как отдельных социальных систем, так и человеческого сообщества в целом» [12, с. 65]. Мы полагаем, что «мир в потоке усложнения» требует обнаружения не только «борьбы», противоречий и конфликтов, но и функциональных взаимозависимостей и сотрудничества. Способность к самоорганизации является витальной, характеризуя адаптивные возможности культуры.

Синергия, синергизм и синергетика

Понятие «синергия» встречается во множестве специализированных словарно-энциклопедических изданий (от медицинских до социологических и философских энциклопедий) для фиксации совместного, комбинированного действия, эффекта эмерджентности в системах различной природы. Синергизм может охватывать множество разнородных природных и социокультурных феноменов, в которых обнаруживается взаимодействие, явление функциональной взаимозависимости. Условием возможности познавательного процесса является синергия наших органов чувств. В живой природе широко распространены формы взаимополезного сожительства. Иногда мы можем даже наблюдать синергию природных и социокультурных факторов. Кроме того, некоторые явления (как природные, так и культурные) могут органично существовать только в рамках синергии. Например, танец представляет собой мышечную синергию, синергию движений и музыки. Тело в танце становится проводником смыслового поля культуры. Эффект синергии стирает границы между природным и культурным, материальным и идеальным, позволяя нам наблюдать согласованное взаимодействие противоположностей и открывая нам доступ к диалогу и коммуникации. Частота дыхания профессионального гребца совпадает с ритмом его движений, а синхронизация с другими членами команды делает их единым слаженным «организмом». В этом процессе особую роль играет не только мышечное усилие, но и воля к победе, идеалы, которыми руководствуется человек. В рамках русской религиозной философии подлинный творческий процесс предполагает «синергийный акт» [10, с. 363].

Феномен синергизма известен достаточно давно, однако понятие «синергия» нашло свою концептуализацию в рамках христианского дискурса – мистико-аскетической традиции исихазма. В работах Т. П. Берсневой синергия определяется как «совместное действие, взаимодействие различных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением» [2, с. 36]. В работе О. Д. Агапова «Идея синергии в контексте современной социальной философии», наряду с богословской традицией интерпретации синергии, выделяются «антропологическая традиция» («синергийная антропология» С. С. Хоружего) и «синергетическая традиция» [1, с. 92]. Синергийная антропология С. С. Хоружего также вырастает из антропологии исихазма, основываясь на «энергийной проекции человека, представленного в совокупности всех его проявлений (физических, психических, интеллектуальных и т.п.)» [11, с. 124].

В современной науке и философии междисциплинарной методологией, направленной на поиск социокультурного единства и кооперации, являются концепции синергетического типа, в которых намечаются стратегии поиска синергийного единства человека, природы и общества. При этом обращает на себя внимание, что такого рода стратегии не могут быть ценностно нейтральными. Образ синергии должен учитывать опыт ключевых форм общественного сознания. Синергизм – это не только момент безличного совместного взаимодействия элементов в процессе системогенеза, но и оценка характера этого взаимодействия. Естественно-научное представление о синергии должно быть дополнено гуманитарным её осмыслением, учитывающим сложность и многообразие ценностных отношений человека с действительностью. Эффект синергии предполагает соразмерность внутренней структуры системы и условий её бытия (как внешних, так и внутренних). Феномен синергии имеет телеологическую сущность и связан с тем, что целое существует в контексте цели своего существования, а части отражают в себе всё целое. В одной из работ мы также отмечали, что «синергетика через “пульсацию” хаоса и порядка конкретизирует диалектику “внутренних” и “внешних” противоречий, раскрывает источник самоорганизации, указывает, что динамика “внутренних” противоречий находится в зависимости от уровня организации системы, а источником развития оказывается не только “единство” и “борьба” противоречий, хаоса и порядка, но и их синергия» [9, с. 113].

Глобальное сообщество изменяется под воздействием усложняющегося социального космоса, трансформаций антропокультурной действительности. Обилие технологических и коммуникативных сетей делает социокультурное пространство всё более плотным. Способность этих сетей к неконтролируемому аутопоэзису

порождает коллективных субъектов, с которыми невозможно не считаться. Подобного рода тенденции приобретают характер «взрывного» роста сложности в самых разнообразных сферах. Как отмечает А. И. Неклесса, «антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация состязается с другой, следуя неизменным правилам игры. Достижение длительного равновесия представляется все более сомнительным: планетарное сообщество напоминает перегретый водяной котел, подняв крышку которого видишь диффузный мир – подвижный, многочисленный, склонный к турбулентности» [7, с. 91]. Мы сталкиваемся с усилением функциональной взаимозависимости социокультурных систем с уменьшением их способности к консенсусу и кооперации.

Мир в потоке усложнения оценивается неоднозначно. Действительно, многообразие фрактальных форм не способствует разнообразию их внутреннего содержания. Можно сказать, что современный мир является воплощением пантеистического принципа «все во всем». К примеру, все общественные подсистемы становятся политизированными, а проблематика пола и секса становится предметом для публичных обсуждений. Никто уже не удивляется рассуждениям в массмедиа о сексуальных политиках или, скажем, политике в области сексуальных отношений и пола. Спорт становится пространством для политических манипуляций, а экономические санкции – средством политического воздействия. Спортсмены и артисты, принимающие государственные законы в высших эшелонах власти, блогеры, задающие вопросы президенту и участвующие в формировании гражданской позиции, уже вряд ли кого-то удивят. Шизофреническая политкорректность, стремление угодить маргинальным социальным группам в ущерб интересам большинства уже не являются уникальными явлениями. Можно сказать, что современная цивилизация преуспела в конфликтах, гибридизации и диверсификации. В работе «Прозрачность зла» Ж. Бодрийяр отмечает негативные аспекты такого рода тенденций: «Мы существуем не среди возрастания, но среди наростов. Мы живем в обществе размножения, в обществе того, что продолжает возрастать и что невозможно измерить, того, что развивается, не обращая внимания на свою природу, чьи результаты разрастаются с исчезновением причин, что ведет к необычайному засорению всех систем, к разрушению посредством эксцесса, избытка функциональности, насыщения» [3, с. 47].

Таким образом, понятия «синергия», «синергизм» и «синергетика» являются связанными, но не тождественными. Явления синергизма лежат в основании как феномена синергии (в ее разнообразных концептуальных интерпретациях), так и в основании синергетики. Полагаем, что нельзя ставить знак равенства между системными эффектами, эмерджентностью и синергией. Синергетика предлагает естественно-научный вектор осмысления синергизма, в то время как концепт «синергия» представляет собой социогуманитарный вектор осмысления высокофункциональных взаимодействий, в которых присутствуют субъект, ценностно-целевые структуры и идеалы.

От «парадигмы конфликта» к «парадигме синергии»

Повышение сложности культуры усиливает социокультурные противоречия. С одной стороны, увеличение культурной сложности способствует раскрытию потенциальных возможностей человеческой природы, раскрытию гуманистического потенциала культуры. С другой стороны, повышение сложности культуры обнаруживает системные противоречия, тенденцию увеличения как конфликтного потенциала, так и возможностей для синергии. Остается неясным: соответствует ли общечеловеческим интересам усложнение социокультурного пространства, какова «парадигма» человеческого существования в новых условиях?

Современная социокультурная действительность переживает глубочайший внутренний конфликт, порожденный противоречиями западной цивилизации. Усложнение можно рассматривать как своего рода следствие этого конфликта. На фоне глобализации и формирования единого культурного пространства конфликт рассматривается как феномен, выходящий за рамки частных противоречий и включающий в себя широкий спектр явлений: от столкновения отдельных личностей до межгосударственных вооруженных конфликтов. В результате обострения конфликтности возникает потребность не только в уменьшении или устранении разрушительного влияния конфликтов, но и управлении ими, использовании открывающихся в конфликтной среде позитивных возможностей. Развитие культуры и цивилизации способствует формированию конфликтов иной природы, порожденных «взрывным» ростом сложности. Эти конфликты становятся перманентными, а попытка их преодоления оборачивается еще большим усложнением отдельных общественных подсистем. К примеру, борьба с терроризмом оборачивается усилением и усложнением сферы контроля над частной жизнью.

Социокультурное усложнение сопровождается усилением конфликтного потенциала. Человеческую историю всегда сопровождало насилие в его разнообразных формах. При этом историко-культурная традиция демонстрирует тенденцию к его постоянному росту, появлению новых и трансформации старых форм насилия. Цивилизация не ослабляет стремление одной человеческой воли господствовать над другой. Современность предоставляет нам множество примеров, когда насилие принимает колоссальные масштабы, прикрываясь идеологией, религиозными ценностями, человеколюбием или мнимыми угрозами. Можно сказать, что насилие оказывается средством снятия социокультурной сложности, в которой обнаруживает себя человек.

В традиционных культурах насилие рассматривалось как естественная реакция на физическое появление «чужого». В рамках современной цивилизации насилие приобретает опосредованные, косвенные формы, актуализируется в ряде социокультурных практик. Кроме того, за образами «чужого» теперь могут скрываться страны, отдельные этнические и религиозные группы. Целые географические направления (например,

Север – Юг или Запад – Восток) становятся олицетворением образа чужого. Ощущение онтологической опасности при отсутствии непосредственной угрозы тяжким бременем ложится на западные цивилизации, порождая бинарные оппозиции в их оценке (например, смертник и мученик за веру, убийца и борец за справедливость, сепаратист – борец за свободу). Современность обнаруживает сложные цепи обратной связи, когда ощущение онтологической тревоги усиливает недоверие, стимулируя давление на другие культуры, что оборачивается кумулятивным ростом насилия.

Рост насилия в современной цивилизации может быть объяснен целым рядом факторов: процессами когнитивной деградации, «варваризации», утратой культурой творческого импульса к развитию. Насилие одновременно стимулирует социальный прогресс (посредством выработки программ по его преодолению) и оказывается симптомом регрессивных тенденций в социокультурном развитии. В ряде социальных концепций насилие рассматривается как неотъемлемый фактор социального прогресса (например, у К. Маркса), оказываясь универсальным средством преодоления социальной несправедливости. Ряд исследователей в социальной доктрине марксизма усматривают прямой призыв «насилловать историю». Конец истории – конец насилию. Попытка создать единое идеологическое основание также не может увенчаться успехом. Мы разделяем мысль Т. И. Ерошенко о том, что «абсолютного совпадения между идеологией и интересами социумов в коллективной или личной ипостаси никогда не бывает» [5, с. 18].

В условиях всё возрастающего давления социокультурной сложности мы сталкиваемся с усилением конфликтного потенциала современности. Мы наблюдаем повсеместную диффузию социальных и культурных практик и невозможность человека эти практики освоить. Сама по себе диффузия не является признаком синергии. Естественной реакцией на эти процессы становится агрессия, направленная как вовне, так и внутрь самого человека. Диффузия социокультурных практик разрушает сложившиеся представления о культурных ценностях, но не создает новых, поскольку диффузия носит искусственный характер. В результате формируется соответствующая стратегия отношения с действительностью, которую мы назвали «парадигмой конфликта». Переживание конфликта еще больше усиливает социокультурную сложность, порождая петли обратной связи, не давая возможности человеку интегрировать свои собственные переживания. Можно сказать, что конфликт является естественной реакцией на усложняющуюся действительность, но конфликт не является естественной формой социального взаимодействия людей.

Заключение

Проблематика сложности актуализируется по мере становления неклассической рациональности, ускорения социокультурных трансформаций и осознания последствий глобализации. В современном мире, наряду с «парадигмой конфликта», необходимо выделять «парадигму сотрудничества». «Парадигма конфликта» и «парадигма синергии» не являются комплементарными. Мы разделяем мысль Т. П. Бересневой о том, что синергия является одной из форм диалектики, а синергичное развитие есть форма диалектического развития культуры [2, с. 39]. «Конфликт» и «синергия» могут быть описаны как рекуррентные исторические ступени диалектического снятия, освоения социокультурной сложности в исторической перспективе. Мы разделяем мысль В. А. Шевлокова о том, что благополучное общество – это «общество с высокой социальной синергией» [12, с. 64]. Признаком такого рода общества можно считать способность к диалогу, способность к гибридизации без утраты культурной идентичности.

Подводя итоги, отметим, что пролиферация сложности приводит к разрушению границ между традиционными социокультурными формами, что способствует потере устойчивости и утрате понимания инвариантных принципов бытия человека и общества. «Мир в потоке усложнения» требует обнаружения не только «борьбы», противоречий и конфликтов, но и функциональных взаимозависимостей и сотрудничества. Исследование синергии имеет социально-гуманитарный и естественно-научный вектор. Синергетика предлагает естественно-научный вектор осмысления синергизма, в то время как концепт «синергия» представляет собой социогуманитарный вектор осмысления высокофункциональных взаимодействий, в которых присутствует субъект, ценностно-целевые структуры и идеалы. «Парадигма конфликта» и «парадигма синергии» не являются комплементарными. «Конфликт» и «синергия» суть ступени диалектического освоения социокультурной сложности в исторической перспективе. Синергия в культуре (в общем-то, как и конфликт) имеет ярко выраженное антропологическое измерение. «Парадигма синергии» предполагает, что из всех возможных тенденций развития и усложнения культуры и общества необходимо выбирать те, которые способствуют единству человеческой природы. Проблемное поле «парадигмы синергии» оказывается связано с такими понятиями, как коллективизм, соборность, солидарность, коммунитаризм и т.д. Следует заметить, что принцип синергии не является исключительно принципом системогенеза, он не может быть ценностью нейтральным, требует учитывать, в контексте какой целостности и иерархии ценностей человек находится. Здесь имеется в виду не только внешняя среда, но и особое ментальное пространство человека – ценности, нормы и идеалы, которыми человек руководствуется. Синергизм предполагает, что объект познания и вся познавательная традиция начинают «говорить» устами человека не просто как познающего разума, но и как целостного, нравственно-этического существа. Целостность начинает определяться высшими целями, а цели бытия человека определенным образом выстраивают его целостность. В этом отношении вопрошание к бытию человека всякий раз оказывается вопрошанием к сложности человеческой природы, но либо со стороны трагической

раздвоенности («парадигма конфликта»), либо же со стороны целостности человеческой природы, устремленной к реализации высших ценностей и целей своего существования («парадигма синергии»). В дальнейшем нам видится перспективным осмысление способов репрезентации указанных подходов в историческом ракурсе, трансформации антропологической проблематики в условиях возрастающей сложности.

Источники | References

1. Агапов О. Д. Идея синергии в контексте современной социальной философии // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2015. № 1. Т. 1. С. 91-114.
2. Береснева Т. П. Синергия в культуре // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 36-44.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2009. 258 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения. М. - Л.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
5. Ерошенко Т. И. Диалектика противостояния и синергии идеологий // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 1 (92). С. 17-21.
6. Мельников Д. А. Синергичная антропология в контексте современной культуры // Философия права. 2008. № 6 (31). С. 123-127.
7. Неклесса А. И. Окна в будущее: культура сложности и самоорганизации // Полис. Политические исследования. 2015. № 1. С. 85-110.
8. О'Коннор Д., Макдермот И. Искусство системного мышления: необходимость знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 256 с.
9. Ополе П. В. Противоречие в диалектике и синергетике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 109-114.
10. Франк С. Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997. 480 с.
11. Хоружий С. С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2005. 407 с.
12. Шевлоков В. А. Устойчивое развитие общества: синергетический подход // Вестник КРАУНЦ. Физико-математические науки. 2016. № 2 (13). С. 62-67.

Информация об авторах | Author information

Ополе П. В. ¹ к. филос. н., доц.

¹ Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, г. Омск

Opolev Pavel Valeryevich¹, PhD

¹ Siberian State Automobile and Highway University, Omsk

¹ pvo-sinergetica@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 02.05.2021; опубликовано (published): 30.07.2021.

Ключевые слова (keywords): конфликт; противоречие; синергия; сложность; усложнение; conflict; contradiction; synergy; complexity; increasing complexity.